

Леонид Андреев

Прекрасные сабинянки

Леонид Николаевич Андреев
Прекрасные сабинянки
Серия «Сатирические
миниатюры для сцены»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805565

Аннотация

«Дикая, неблагоустроенная местность. Рассвет. Вооруженные римляне волокут из-за горы похищенных сабинянок, полуодетых красивых женщин. Они сопротивляются, визжат, царапаются; и только одна совершенно спокойна и, кажется, спит на руках несущего ее римлянина. Вскрикая от боли при новых царапинах, похитители торопливо сваливают женщин в кучу, а сами поспешно отскакивают в сторону, оправляются, едва могут дышать. Визг стихает. Женщины тоже оправляются, недоверчиво следя за движениями похитителей, шепчутся, тихо щебечут...»

Содержание

Картина первая	4
Картина вторая	28
Картина третья	36

Леонид Николаевич Андреев Прекрасные сабинянки

Картина первая

Дикая, неблагоустроенная местность. Рассвет. Вооруженные римляне волокут из-за горы похищенных сабинянок, полуодетых красивых женщин. Они сопротивляются, визжат, царапаются; и только одна совершенно спокойна и, кажется, спит на руках несущего ее римлянина. Вскрикивая от боли при новых царапинах, похитители торопливо сваливают женщин в кучу, а сами поспешно отскакивают в сторону, оправляются, едва могут дышать. Визг стихает. Женщины тоже оправляются, недоверчиво следя за движениями похитителей, шепчутся, тихо щебечут.

Разговор римлян.

– Клянусь Геркулесом, я мокр от испарины, как водяная крыса. Мне кажется, что моя весит не меньше двухсот килограммов.

– Не нужно было гнаться за самой большой. Я взял ма-

ленькую, худенькую и...

– А что у тебя с лицом? Неужели это маленькая, худенькая?

– Увы! Она царапается, как кошка.

– Они все царапаются, как кошки! Я был в сотне сражений: меня били мечами, палками, камнями, стенами и воротами, но еще ни разу мне не было так скверно. Я боюсь, что мой римский нос сейчас никуда не годится.

– А если бы я не брился наголо – как все древние римляне, у меня не осталось бы ни одного волоска. У них, знаете ли, очаровательные тонкие пальцы с изумительно острыми ноготками. Вы говорите: кошки! Ах, но что такое кошки?.. Моя ухитрилась выдергивать даже пух и трудолюбиво всю дорогу занималась этим. Даже замолчала!

Высокий толстый римлянин (*говорит басом*). А моя забралась под латы и щекотала меня под мышками. Я всю дорогу хохотал.

Среди сабинянок тихий, ядовитый смешок.

– Тише, они нас слышат. Господа, оправьтесь и бросьте жалобы; нехорошо, если с первого же дня они перестанут нас уважать. Посмотрите на Павла-Эмилия – вот человек, который держится с достоинством.

– Он сияет, как Аврора!

– Клянусь Геркулесом! У него ни единой царапины. Как

ты это сделал, Павел?

Павел (*с притворной скромностью*). Не знаю. Она с первой минуты привязалась ко мне, как к мужу. Я поднял ее на руки, она с готовностью обняла меня за шею, и если чего я и боялся, так только того, что она удушит меня в объятиях. у нее тонкие, но очень сильные руки.

– Вот счастливец!

– Но ведь это же так просто! Ее доверчивое невинное сердце шепнуло ей, что я искренно люблю ее и уважаю, и вы, пожалуй, не поверите: полдороги она спала как убитая.

Толстый римлянин. Но позвольте, господа римляне: как же мы теперь узнаем каждый свою? Мы похищали их в темноте, как кур из курятника.

Из кучки примолкших сабинянок доносится негодующий возглас: «Какое гнусное сравнение!»

– Тише: они нас слышат.

Толстый римлянин (*понижая голос до октавы*). Как же мы теперь разберемся? Моя была очень веселая, и я никому ее не уступлю. Вообще я не позволю наступать себе на ногу.

– Какие глупости!

– Мою я узнаю по ее голосу: кажется, до самого Рождества Христова я не в состоянии буду забыть ее визга.

– Мою я узнаю по ее ноготкам.

– Мою – по дивному запаху ее волос.

Павел. А я мою – по кротости и красоте души. О римляне, вот мы на пороге новой жизни! Прощай, томительное одиночество! Прощайте, бесконечные ночи с их проклятыми соловьями! Пусть теперь поет соловей или какая угодно птица, – я готов.

Толстый римлянин. Да, пора приступить к семейной жизни.

Со стороны женщин иронический возглас: «Да, как же, попробуйте, приступите».

– Тише: они нас слышат.

– Пора, пора.

– Господа римляне, кто первый?

Молчание. Все стоят неподвижно. Среди женщин тихий, ядовитый смех.

Толстый римлянин. Я уже достаточно хохотал. Пусть похочут другие. И вообще я не позволю наступать себе на ногу. Эй, ты, Павел, выходи!

– Чудовище! Разве ты не видишь, что моя еще спит. Вон, посмотри: темный клубочек под камнем, – это она. О, невинное сердце!

Сципион. По вашим позам, господа римляне, полным нерешительности и справедливой тревоги, я вижу, что в оди-

ночку никто не осмелится подойти к этим безжалостным созданиям. И вот мой план, господа древние римляне...

Толстый римлянин. Ну и голова у этого Сципиона!

Сципион. Вот мой план: двинемся все сразу, укрываясь друг за друга и вообще не торопясь. Если уж мы не побоялись их мужей...

Толстый римлянин. Ну, мужья – это что! Среди женщин громкие вздохи и демонстративный плач.

– Тише – они слышат.

– Опять ты, Марк-Антоний, со своей глоткой! И вообще нужно избегать этого несчастного слова: мужья, – вы видите, как оно ужасно действует на бедных женщин. Итак, господа, согласны ли вы на мой план?

– Согласны, согласны.

– Итак, господа!..

Римляне готовятся к нападению, женщины – к защите: вместо очаровательных лиц видны одни только острые ногти, готовые впитаться в лицо и волосы. Тихое, как у змей, шипение. Римляне наступают согласно плану, то есть укрываясь друг за друга; но это приводит их к тому, что все они пятятся назад и скрываются за кулисы. Среди женщин смех, римляне выходят растерянные.

– По-видимому, в твоём плане, Сципион, есть какой-то недостаток. Намереваясь прийти, мы ушли, – как сказал бы

Сократ.

Толстый римлянин. Я ничего не понимаю.

Павел. Господа римляне, будем смелы. И что такое одна или две царапины, раз впереди – неземное блаженство? Вперед, господа римляне, на абордаж!

Римляне нестройной толпой – за исключением Павла, мечтательно глядящего в небо, – бросаются на женщин, но через мгновение молчаливого боя поспешно отступают. Молчание. Все ощупывают свои носы.

Сципион (в нос). Вы заметили, господа, что они даже не визжали? Скверный признак! Я предпочитаю женщину, когда она визжит.

– Как же быть?

– Я хочу семейной жизни!

– Я хочу семейного очага! Что за жизнь, когда нет семейного очага? Довольно, черт возьми, мы основывали Рим, надо же и отдохнуть!

Сципион. К сожалению, среди нас, господа древние римляне, нет ни одного человека, который хорошо знал бы психологию женщины. Занятые войнами и основанием Рима, мы огрубели, потеряли лоск и забыли, что такое женщина...

Павел (скромно). Не все.

Сципион. Но ведь были же у этих женщин мужья, которых мы вчера побили? Отсюда я заключаю: есть какой-то

особый, таинственный способ приблизиться к женщине, которого мы не знаем. Как его узнать?

Толстый римлянин. Надо расспросить самих женщин.

– Они не скажут.

Среди женщин ядовитый смех.

– Тише – они слышат!

Сципион. Но вот какой придумал я план... Толстый римлянин. Ну и голова у этого Сципиона!

– ...Наши очаровательные похитительницы – не кажется ли вам, господа, что не мы их похитили, а они нас? – занятые тем, чтобы царапать наши лица, выдергивать пух, щекотать под мышками, просто не могут нас слышать. А раз они не могут слышать, то мы не можем их убедить. А раз мы не можем их убедить, – они не могут быть убеждены. Это факт!

Римляне, повторяя: «это факт», впадают в мрачное состояние. Женщины прислушиваются.

Сципион. И вот мой план: выберем из своей среды парламентаря, согласно военным обычаям, и то же предложим сделать нашим обворожительным врагам. Надеюсь, что, под защитой белого флага, представители воюющих сторон, находясь в полной безопасности (*трогает себя за нос*), в состоянии будут прийти к определенному, говоря по латыни,

модусу вивенди¹. И тогда...

Римляне перебивают его блестящую речь, раздражаясь криками: «ура». Единогласно выбирают парламентом Сципиона, и тот с белым флагом осторожно приближается к женщинам, говоря назад: «Вы же не очень далеко отходите, ребята».

Сципион (*вкрадчиво*). Прекрасные сабинянки, пожалуйста, пожалуйста, не трогайтесь с места: вы видите, что я под защитой белого флага. Белый флаг священен, я уверяю вас, и личность моя неприкосновенна, честное слово! Прекрасные сабинянки, только вчера мы имели удовольствие похитить вас, а уже сегодня между нами начались несогласия, распри, странные недоразумения.

Клеопатра. Какая наглость! Вы напрасно думаете, что если вы надели на палку эту белую тряпку, то вы можете говорить нам всякие гадости!

Сципион (*вкрадчиво*). Помилуйте – какие гадости? Наоборот, я очень рад, то есть, вернее, мы все очень несчастны и (*с отчаянной решимостью*) сгораем от любви, клянусь Геркулесом! Сударыня, я вижу, вы сочувствуете нам, и осмеюсь просить вас о маленьком одолжении: выберите, как и мы, из вашей среды парлам...

---

¹ ...модусу вивенди. – Modus vivendi (лат.) – образ жизни, способ существования.

Клеопатра. Знаем, уже слышали, не притворяйтесь.

Сципион. Но мы же говорили тихо?

Женские голоса.

– А мы все равно слышали.

Клеопатра. Ступайте с вашей тряпкой на свое место и подождите. Мы посоветуемся друг с другом. Нет, нет, пожалуйста, подальше. Мы не желаем, чтобы нас подслушивали. А это что за молокосос с разинутым ртом? (*Указывает на мечтающего Павла*). Уберите его, пожалуйста.

Римляне, шепча: «дело налаживается», на цыпочках отходах; некоторые добросовестно затыкают себе уши.

Разговор сабинянок.

– Какая наглость! Какое издевательство! Так гнусно пользоваться своей силой – о, наши бедные мужья!

– Клянусь: я лучше выцарапаю тысячи глаз, чем хоть на йоту изменю моему несчастному мужу! Спи спокойно, дорогой друг, я бодрствую на охране твоей чести!

– И я клянусь!

– И я клянусь!

Клеопатра. Ах, дорогие мои подруги: мы все клянемся, но что толку в этих клятвах: – эти люди так невоспитанны и

грубы, что они не могут оценить клятвы. Я моему изгрызла нос...

– А ты помнишь своего?

Клеопатра (с ненавистью). Я не забуду его до гробовой доски! От него так пахло латами и мечом, и вообще

– От них от всех пахнет солдатом.

– И они все ужасно тискаются! Может быть, у них так принято?

– Когда я была еще совсем девочкой, к нам пришел солдатик и сказал, что он из той далекой стороны, где...

Клеопатра. Господа! Сейчас не место воспоминаниям!

– Но этот солдатик...

– Ах, Юноночка, клянусь Венерой, нам не до твоего солдата, когда у нас свои на шее! Как же нам быть, дорогие подруги? Я вот что предложу вам...

Подходит проснувшаяся Вероника, сабинянка почтенного возраста и тощая, и, томно щуря глаза, перебивает:

– А где же они? Почему они так далеко? Я хочу, чтобы они подошли ближе. Мне очень стыдно, когда они далеко. Я была все время в обмороке и теперь не могу найти: где мой мальчик, который нес меня. От него пахло солдатом!

Клеопатра. Вот он стоит, разинув рот.

Вероника. Я пойду к нему: мне стыдно.

Клеопатра. Держите ее! Ах, Вероника, неужели ты уже

забыла своего несчастного мужа?

Вероника. Клянусь, я буду его любить вечно. Но отчего мы не идем туда? Вы чем-то озабочены, дорогие подруги? Впрочем, я на все согласна: пусть они сами идут сюда. Мужчины непозволительно зазнаются, как только на них взглянешь без гнева.

Клеопатра. Итак, мои милые подруги: первое, что я предложу, это поклянемся, что мы никогда не изменим нашим дорогим, несчастным мужьям. Пусть делают с нами, что хотят, но мы останемся верны, как Тарпейская скала². Когда я вспомню, как он теперь скучает без меня, как тщетно зывает он к пустому ложу: «Клеопатра! О, где ты, Клеопатра!..» Когда я вспомню, как он меня любил...

Все плачут.

Поклянемся же, дорогие подруги, а то они ждут.

– Клянемся, клянемся! Пусть делают с нами, что хотят, но мы останемся верными!

Клеопатра. Теперь я спокойна за наших мужей. Спите спокойно, дорогие друзья! Дальше, милые подруги: выберем, согласно их желанию, парламентерку, и пусть она...

– Нет, пусть она скажет негодяю всю правду, *они* ведь думают, что мы умеем только царапаться, – пусть они узнают,

---

² *Тарпейская скала* – южная часть Капитолийского холма в Риме, с которой в древности сбрасывали в пропасть осужденных преступников.

как мы говорим!

Вероника (*пожимая худыми плечами*). О чем тут говорить, когда сила на их стороне!

Клеопатра. Держите ее! Ах, Вероника, сила не есть еще право, как сказано в Римском праве. Пустите меня, и я им докажу, что они не имеют права нас держать, что они обязаны нас отпустить. Что по законам божеским и человеческим и вообще, как там говорится, они поступили прямо по-свински.

Голоса:

– Иди, иди, Клеопатра.

– Держите Веронику.

Клеопатра. Эй вы, парламентар с белой тряпкой! Идите-ка сюда, мне надо с вами поговорить.

Сципион. Прикажете снять меч?

Клеопатра. Нет, зачем же: не думайте, что мы боимся ваших мечей. Да, пожалуйста, не бойтесь: я вас не укушу... Однако вчера, когда вы ночью ворвались в наш мирный дом и грубо вырвали меня из объятий моего несчастного мужа, вы не были так трусливы... Да идите же наконец!

Сципион осторожно подходит. Римляне и сабинянки, расположившись по сторонам сцены в две симметричные группы, внимательно следят за разговором.

Сципион. Я так счастлив, сударыня...

Клеопатра. Вы счастливы? Ну так я вам скажу: вы негодяй, вы с ума сошли, вы разбойник, грабитель, вы убийца, злодей, чудовище, изверг! Это безбожно, отвратительно, возмутительно, неслыханно, невиданно!..

Сципион. Сударыня!

Клеопатра. Вы мне противны, вы мне отвратительны, я вас видеть не могу, от вас пахнет солдатом! Если бы ваш нос не был так исцарапан, я бы...

– Позвольте, это вы же и исцарапали!

– Я! Так это вы тот самый, который... (*Смотрит на него с презрением.*) Простите, я вас не узнала.

– (*Радостно.*) А я вас сразу узнал. Не правда ли, что ваши волосы пахнут вербеной?

– А вам какое дело, чем они пахнут? Вербена – духи не хуже других.

– Я и говорю...

– Мне дела нет до ваших слов. Я же не говорю, чем от вас пахнет – и вообще, что это за странный разговор о запахах. Я прошу вас, милостивый государь, как честного человека, сказать вам прямо и открыто: чего вы от нас хотите?

Сципион скромно потупляет глаза; но, не выдержав, фыркает в кулак. Фыркают все римляне, и среди женщин негодование.

Клеопатра (*краснея*). Фыркать не значит отвечать! Это гнусно! Я вас спрашиваю: чего вы от нас добиваетесь? Вам, надеюсь, известно, что все мы замужем?

– Как вам сказать, сударыня?.. С другой стороны, мы также намерены предложить вам руку и сердце...

– Ага! Значит, это серьезно? Но вы с ума сошли!

– Сударыня! Взгляните на нас: мы не какие-нибудь лове-ласы с Невского! Мы только что основали Рим и пылаем же-ланием увековечить... Войдите в наше положение, судары-ня, и пожалейте нас! Неужели вы не пожалели бы ваших, на-пример, мужей, если бы они в один прекрасный день оста-лись совсем без женщин? Мы одиноки, сударыня!

Толстый римлянин. Одиноки!

Вероника (*утирая глаза*). Мне их жалко.

Сципион. Среди бурь военной непогоды, занятые осно-ванием Рима, мы упустили, так сказать, момент, когда... Су-дарыня, мы от души жалеем ваших мужей...

Клеопатра (*с достоинством*). Вы меня радуете, сударь.

– Но какого же черта они вас отдали?

*Римляне радостно подтверждают: «так, так, Сципион!»
– но женщины в негодовании. Слышны возгласы: «Это гнус-но! Он оскорбляет наших мужей! Это инсинуации!»*

Клеопатра (*сухо*). Если вы хотите продолжать перегово-

ры, то я прошу вас отзываться о наших мужьях с уважением.

Сципион. С удовольствием! Но, сударыня, как бы мы их ни уважали, мы не можем не признать, что они недостойны вас! В то время, как вы раздираете нам сердце вашими нечеловеческими страданиями; когда ваши горячие слезы, вызванные утратой, льются подобно горным рекам весною; когда даже камни, содрогаясь от жалости, ропщут и стонут; когда ваши очаровательные носы, теряя форму, начинают пухнуть от жестоких слез...

– Это неправда!

– Когда вся природа и так далее – где же в это время находятся ваши мужья? Я их не вижу. Их нет! Они отсутствуют! Они вас покинули! Скажу, рискуя вызвать ваш гнев: они вам подло изменили!

Римляне гордо подбочиваются. Среди женщин волнение и слезы. Спокойный голос Прозерпины: «Отчего они и в самом деле не идут? Пора бы!»

Клеопатра. Это звучит очень гордо, милостивый государь, и вашей позе я не могу отказать в красоте, но как поступили бы вы, если бы ночью пожелали нас похитить?

Сципион. Мы будем бодрствовать всю ночь!

– А днем?

– А днем тогда вы сами не уйдете.

Томный голос Вероники: «Почему они так далеко? Мне стыдно, когда они так далеко. Я хочу, чтобы они были ближе!» И шепот женищин: «Держите ее!»

Клеопатра. Какая самоуверенность! Но мне жаль вас, сударь: правда, я не могу отказать вам в чувстве почтительности и уважения к нашим страданиям, но ваша молодость вовлекает вас в ошибки. Сейчас я приведу вам аргумент, который сразу разрушит вашу чудесную мечту и, надеюсь, заставит вас даже покраснеть. А дети, милостивый государь?!

Сципион. Какие дети?

– Дети, которых мы оставили?

– Признаюсь, сударыня, это вопрос серьезный. Позвольте удалиться мне на минуту для совещания с товарищами.

Клеопатра идет к своим. Сципион к своим. Шепотом совещаются.

Сципион. Сударыня!

Клеопатра. Я слушаю!

– Мои товарищи, господа древние римляне, после продолжительного совещания, поручили передать вам, что у вас будут новые дети.

Клеопатра (*пораженная*). Ага! Вы так думаете?

– Мы клянемся! Господа, клянись!

Римляне клянутся нестройным хором.

Клеопатра. Но у вас здесь очень некрасиво.

Сципион (*обиженно*). У нас?

– **Да.** Ужасная местность! Горы, буераки, вообще что-то непонятное. Зачем здесь лежит этот камень? Уберите его, пожалуйста.

– **Сударыня** (*убирая камень*).

– Какие-то деревья! Это Бог знает что, я здесь задыхаюсь! Пожалуйста, что это за глупое дерево? Вы сконфужены, милостивый государь? Впрочем, позвольте мне удалиться: кажется, я должна вам дать какой-то ответ.

Сципион. То есть как: какой-то?

– Вы о чем-то спрашивали, кажется?

– Я? Простите, сударыня, я немного одурел! О чем я вас спрашивал?

– Ну вот! Теперь вы оскорбляете меня.

– Я?

– **Ну да.** Вы говорите, что вы одурели!

– Я?

– Не я же! Вы забываетесь, милостивый государь!

– Я?

– Впрочем, я удаляюсь. Оправьтесь, милостивый государь, пока мы будем совещаться: на вас жалко смотреть! У вас есть носовой платок? Вытрите лицо: оно у вас так потно, будто вы целый день таскали камни!

Намеревается уйти.

Сципион. Нет, сударыня, позвольте: я, кажется, действительно таскал какой-то камень, но ведь это вы же меня заставили!

Клеопатра. Я? И не думала!

– Позвольте, сударыня, но в чем же дело?

– А я почему знаю: это ваше дело, а не мое!

– Вы, кажется, смеетесь надо мною.

– А вы заметили?

– Я не позволю смеяться!

– Как же вы это сделаете?

– Я, слава Богу, еще не муж!

– Ага! Теперь уже: слава Богу! Недурно, сударь! Хороши мы были б, если бы поверили вашим клятвам (*к своим*). Вы слышите: они уже радуются, что мы не их жены!

– Нет, это невозможно! Или вы прекратите...

– Или...

– Или уходите домой! Да, да, уходите-ка домой, сударыня!

Довольно! Клянусь Геркулесом, мы не для того основывали Рим, чтобы вязнуть в ваших нелепых рассуждениях, как мухи в варенье!

– Нелепых?

– Да, да, идиотских!

Клеопатра (*плачет*). Вы меня оскорбляете.

– О Юпитер, теперь она плачет! Что вам надо, сударыня? Чего вы ко мне привязались? Хотя я и древний римлянин, но я, ей-Богу, сейчас с ума сойду! Да перестаньте же плакать, я ничего не понимаю, что вы там бормочете!

Клеопатра (*плача*). Вы нас отпускаете?

– Да, да! Товарищи! Господа древние римляне! Вы слышали? У меня больше нет сил!

Толстый римлянин. Пусть уходят: мы отберем жен у этрусков.

Сципион. Это не женщины, а... Клеопатра (*плачет*). Честное слово? Сципион. Да что честное слово?

– Вы нас отпустите? Может быть, вы это говорите нарочно? А как только мы захотим уйти, вы нас схватите?

– Да нет же – уходите. Вот привязалась!

– А вы нас отнесете?

– Что такое?

– Ну да, как вы не понимаете? Раз вы нас принесли сюда, так вы должны отнести и назад. Тут очень далеко.

Женщины ядовито смеются. Сципион, задыхаясь от гнева, мечет бешеные взгляды, что-то хочет сказать, но, топнув ногой, идет к своим. Все римляне демонстративно оборачиваются к женщинам спиной и так сидят во время дальнейшего. Женщины спокойно совещаются.

Клеопатра. Вы слышали, дорогие подруги: нас отпуска-

ют.

Вероника. Да, это ужасно!

– Нет, скажите лучше: прогоняют! Это возмутительно: похитить ни в чем не повинных женщин, взбудоражить среди ночи весь дом, перевернуть всю мебель, разбудить детей, а теперь извольте: мы им не нужны!

– А наши бедные мужья! За что же они пострадали?

– Нет, вы подумайте: ночью, когда все спят!

– А вы знаете дорогу отсюда?

– Неужели вы думаете, что я наблюдала за дорогой? – конечно, нет. Знаю, что только ужасно далеко.

– Но ведь они нас не понесут.

Тихий смех. Вероника стонет.

– Ах, мой бедный мальчик! Смотрите: они и его заставили сесть спиной. Я пойду к нему.

– Да подождите же, Вероника: не уйдет от вас ваш мальчик. Нам надо поговорить.

Прозерпина. А я думаю, не все ли равно, какие мужья, те или эти. И те хороши и другие хороши. Ведь я знаю, что от меня первым делом потребуют, чтобы я приготовила горячую похлебку. И мне даже нравится, что муж будет новый: тому уже надоело мое меню, а этот ротозей будет рад.

Клеопатра. Это цинизм, Прозерпина! Нас осудит история.

– Ах, много понимает история в наших делах. И тут у них очень недурно.

Клеопатра. Вы ужасны, Прозерпина!.. Ах, если б они нас подслушали! Но вот мой план, дорогие подруги: кончено, мы немедленно уйдем домой к нашим дорогим, покойным мужьям. Но идти далеко, мы так устали...

– У меня совершенно расстроены нервы!

– Никакое здоровье этого не выдержит. Вдруг среди ночи взбудоражить весь дом...

Клеопатра. Останемся здесь дня на два и отдохнем – ведь это ни к чему нас не обязывает? А они будут так рады и, видя наш веселый и кроткий нрав, легче расстанутся с нами. Признаюсь, мне моего было несколько жаль: с его носом делается что-то ужасное!

– Но только на два дня!

– Я думаю, и одного будет достаточно. Мы немного погуляем... Идите скорее, Клеопатра, они, кажется, уже заснули.

Клеопатра. Сударь!

Сципион (*не оборачиваясь*). Что угодно?

– Подите-ка на минутку.

– К вашим услугам.

– Мы решили воспользоваться вашим великодушным предложением и немедленно уходим. Вы не сердитесь?

– Нет.

– Но раньше мы хотели бы немного отдохнуть. Вы позволите пробить нам здесь день или два? Пока мы оправимся?

У вас очень красивая местность.

Все римляне разом поворачиваются и вскакивают на ноги.

Сципион *(в экстазе)*. Дорогая сударыня, да что местность! Да что – о, Юпитер! Сударыня, клянусь Геркулесом! Клянусь Венерой! Клянусь Вакхом! Сударыня, будь я трижды анафема, если... Клянусь Афродитой! Господа древние римляне! На abordаж!!

Клеопатра. Мы пойдем немного погулять, не правда ли?
– Сударыня!.. Господа древние римляне! Шагом марш! Соблюдать очередь! Правой, левой! Ряды вдвой!

Подхватывает Клеопатру под руку и волочит ее в горы. За ним по команде, подхватив каждый свою сабинянку, гордо маршируют остальные.

– Левая, правая, левая, правая! Раз, два, раз, два!

Мечется по сцене один Павел-Эмилий, жалобно восклицая:

– Где же она? Господа древние римляне, погодите! Я потерял ее! Где же она?

Вероника стоит, скромно опустив глаза, как невеста. Павел сослепу налетает на нее.

– Виноват! Сударыня, вы не видали ее?

– Глупый!

– Я?

– Да! Ты – глупый.

– Да за что же вы ругаетесь?

– Ругаюсь? О... глупый! Разве ты не видишь? О дорогой мой мальчик – я тридцать лет ждала тебя. На – возьми.

– Что?

– Меня! Ведь это я – она. О глупый!

– Вы? Нет, не вы.

– Нет, я.

– Нет, не вы.

Садится на пол и плачет.

Вероника. Слушай, мы остались здесь одни – мне стыдно. Идем.

– Это не вы.

– А я тебе говорю, что это я, черт возьми! Скажите пожалуйста: тот твердит тридцать лет, что это не я, этот молоко-сос – тоже! Руку!

Павел (*воет, с ужасом*). Это не вы! Ай, ай, ай, спасите! Она меня по-хи-ща-ет!

Занавес

Картина вторая

До последней степени мрачная картина, изображающая печальное положение ограбленных мужей. Очень возможно, что идет дождь, свистит ветер, и черные тучи закрывают небо, но очень возможно, что все это только кажется. Ужасно! (Было бы желательно показать в самом пейзаже, что мужьям хочется выть от тоски.)

При открытии занавеса расположение действующих лиц таково: по бокам, в две симметричные группы, часть сабинянок занимается гимнастикой. Вторя движениям рук, они шепчут сосредоточенно: «пятнадцать минут ежедневного упражнения – и вы будете совершенно здоровы». Посередине, на длинной скамейке рядом сидят мужья, имеющие детей, к каждый держит на руках младенца. Головы уныло склонены набок, вся поза выражает стилизованное отчаяние. Ужасно! Долгое время только и слышен зловещий шепот: «пятнадцать минут ежедневного упражнения – и вы...»

Входит Анк Марций, издали показывая письмо.

Марций. Адрес, господа сабиняне! Получен адрес наших жен! Адрес, господа, адрес!

Тихие голоса:

– Слушайте! Слушайте! Адрес, получен адрес!

Анк Марций быстро вынимает из кармана колокольчик и звонит.

– Тише! Тише!

Марций. Господа сабиняне! История не упрекнет нас ни в медлительности, ни в нерешительности. Ни медлительность, ни нерешительность не присущи характеру сабинян, буйный, стремительный нрав которых едва сдерживается плотинами благоразумия и опыта. Вспомните, ограбленные мужья, куда бросились мы в то достопамятное утро, которое наступило за той достопамятной ночью, когда эти разбойники гнусно похитили наших несчастных жен? Вспомните, сабиняне, куда несли нас резвые ноги, пожирая пространство, уничтожая случайные препятствия и грохотом своим наполняя страну? Да вспомните же, господа!

Сабиняне кротко молчат.

– Да ну же! Вспомните же, господа!

Робкий голос. Прозерпиночка, дружочек, где ты? – ау!

Сабиняне молчат и с восторгом ожидания смотрят в

рот оратору. Анк Марций, не дождавшись ответа, восклицает патетически:

– В адресный стол – вот куда! Но вспомните, господа, наше горе: адресный стол, это отжившее учреждение, еще ничего не знал и дал нам справку на прежний адрес! И целую неделю он давал нам все ту же убийственно-ироническую справку, пока наконец не дал вот этой, горчайшей (*читает*): «Выбыли неизвестно куда». Но успокоились ли мы, сабиняне? – вспомните!

Сабиняне молчат.

– Нет, мы не успокоились! Вот сухой, но красноречивый перечень того, что мы сделали в эти краткие полтора года. Мы поместили объявление в честных газетах с обещанием дать награду нашедшему. Мы пригласили всех наличных астрологов, и каждую ночь по звездам они угадывали адрес наших несчастных жен...

– Прозерпиночка, дружок, – ау!

– Мы погубили тысячи кур, гусей и уток, мы взрезали животы всем кошкам, пытаясь по внутренностям птиц и животных угадать роковой адрес. Но – увы! – наши нечеловеческие труды по воле богов не увенчались успехом. Вспомните, господа сабиняне... впрочем, не надо, я так скажу: ни опытное знание, ни неопытное не дали нам ответа. Сами небесные

светила, к которым с тоской и вопросом обращались наши взоры, соглашались ответить, но не больше, чем адресный стол: выбыли, выбыли, выбыли... а куда? – неизвестно!

Сабиняне тихо плачут.

Робкий голос. Прозерпиночка – ау!

– Да, господа сабиняне: странный ответ со стороны небесных светил, если принять в расчет, что оттуда не видно! Но... продолжаю с гордостью перечень наших дел. Вспомните, господа, чем занимались наши ученые юристы, пока астрологи гадали по звездам? Да ну же!

Сабиняне молчат.

– Да вспомните же, господа!.. Ведь так с вами трудно говорить! Стоите, как статисты, ей-Богу! Я уверен, что вы помните, только стесняетесь говорить. Да ну же, господа! Ну? Ну? Ну вспомните: что делали наши юристы, пока...

– Прозерпиночка – ау!

– Да постойте, не мешайте с вашей Прозерпиночкой! Ну, я помогу вам, господа: вспомните, зачем вы занимались гимнастикой? Да ну же?

Робкий голос из задних рядов. Чтобы развить мускулы.

– Ну конечно! Прекрасно... ну, а зачем нам нужны мускулы? Да ну же! С вами, господа, всякое терпение лопнет.

Вспомните: зачем нам, сабинянам, нужны мускулы?

Нерешительный голос. Чтобы драться?

Марций в отчаянии поднимает руку к небу.

– О, небо! Драться! И это говорит сабинянин, друг закона, опора порядка, единственный в мире неподдельный образец правового сознания! Драться! Мне стыдно за эту хулиганскую выходку, достойную разбойника-римлянина, гнусного похитителя законнейших жен!

– Прозерпиночка – ау!

– Да замолчите вы с вашей Прозерпиночкой! Тут вопрос о принципах, а он о Прозерпиночках! Я вижу, господа, что утрата несколько затмила вашу блестящую память, и повторю вкратце: мускулы нужны нам для того, чтобы, поднявшись походом на римлян после того, как станет известен адрес – понимаете? – нести всю дорогу очень тяжелый свод законов, собрание узаконений и кассационных решений, а также – понимаете теперь? – те четыреста томов изысканий, которые добыли наши юристы по вопросу о законности наших браков – что, поняли? – и незаконности похищения! Наше оружие, господа сабиняне, – наше право и чистая совесть! Гнусным похитителям мы докажем, что они – похитители; нашим женам мы докажем, что они действительно похищены. И небо содрогнется, ибо адрес получен, и дело в шляпе. Вот!

Потрясает письмом, сабиняне на цыпочках заглядывают.

– Заказное письмо за подписью: раскаивающийся похититель. В нем неизвестный друг выражает свое раскаяние по поводу необдуманного поступка, уверяет, что никогда больше похищать не будет, и умоляет судьбу смилостивиться над ним. Имя неразборчиво; большая клякса, по-видимому, от слез. Вот что значит совесть! Кстати, он сообщает, что сердца наших жен разбиты...

– Прозерпине.

– Послушайте наконец: с вашей Прозерпиночкой вы не даете мне сказать слова! Поймите же, что ваша Прозерпиночка – частность. В то время, как все мы с таким воодушевлением разрабатываем общие вопросы, создаем план, – я сейчас скажу о нем, – готовимся к поражению или смерти, вы скулите о какой-то Прозерпиночке! От лица собрания выражаю вам порицание. Итак, господа, в поход! Слушать команду! Стройтесь в ряды... да поживее, господа! Это возмутительно, вы до сих пор не отличаете правой от левой! Куда? Куда? – стойте!

Хватает сбившегося сабинянина и учит:

– Чтобы узнать, где правая, станьте – смотрите на меня! –

станьте лицом к северу... или нет, станьте лицом к югу, а спиной к востоку... да где у вас лицо? Ведь это же не лицо, а спина, ведь вот же ваше лицо! Поняли? – ну, больше не могу, смотрите у соседей, где правая. Теперь, господа, у кого есть перочинные ножи? Выверните карманы. Так! А зубочистки? Оставить! Ни намека на насилие, господа, ничего колющего и режущего: наше оружие – наше право и чистая совесть! Теперь каждый берет по тому законов и изысканий... так... надо бы переплести, да уж потом... вот что значит мускулы! Так, так! Трубачи, вперед! Помните же: марш ограбленных мужей! Впер... Позвольте, а вы помните, как идти?

Сабиняне молчат.

– Нет? Ну, я вам напомню. Два шага вперед – шаг назад. Два шага вперед – и шаг назад. В первых двух шагах мы должны выразить, сабиняне, весь неукротимый пыл наших буйных душ, твердую волю, неудержимое стремление вперед. Шаг назад – шаг благоразумия, шаг опыта и зрелого ума! Делая его, мы обдумываем дальнейшее; делая его, мы как бы поддерживаем великую связь с традицией, с нашими предками, с нашим великим прошлым. История не делает скачков! А мы, сабиняне, в этот великий момент – мы история! Трубачи – трубите!

Трубы заунывно воют, то судорожно дергаясь вперед, то

плавно оттягивая назад и таща за собою все войско ограбленных мужей. Делая два шага вперед и шаг назад, они медленно проходят сцену³.

Занавес падает. Трубы заунывно воют, и вторая картина переходит в третью.

---

³ Петербургский театр «Кривого зеркала» очень удачно применил здесь Марсельезу: первые два такта, отзвучав торжественно и бодро, переходят в нечто заунывно-попятное... как бы в мучительную отрыжку.

Картина третья

Первая дикая местность. Зачатки благоустройства. У одной из хижин стоит римлянин в ленивейшей позе и блаженно ковыряет в носу. Из-за левой кулисы показывается войско мужей, Сосредоточенно шагающее в том же первоначальном темпе: два шага вперед – и шаг назад. Первую минуту, при виде их, римлянин как бы слегка оживляется и даже приостанавливает изыскания в носу, смотрит с благодушным любопытством; но медленное движение, по-видимому, снова усыпляет его: зевает, истомно потягивается и тихо опускается на камень. По знаку Анка Марция трубы смолкают.

Анк Марций (*отчаянно кричит*). Стойте, господа сабиняне! Да стойте же!

Сабиняне останавливаются как вкопанные.

Анк Марций. Да стойте же! О, боги, какими силами можно удержать падающую лавину? – какими силами... Слава Богу, стали! Слушайте команду! Трубачи – назад! Профессора – вперед! Остальные – смирно!

Трубачи отступают, профессора выступают, осталь-

ные стоят как вкопанные.

Анк Марций. Профессора – готовься! Профессора быстро опускаются на корточки, раскладывают маленькие столики, кладут на каждый по толстой книге и с шумом откидывают крышки переплетов – получается подобие батареи. Проснувшийся римлянин – Сципион – видимо, заинтересован и с участием спрашивает:

– В чем дело, господа? Не могу ли я служить... Но если это цирк, то должен вас предупредить: Колизей еще не окончен.

Анк Марций (*равнодушно*). Молчи, гнусный похититель. (*К своим.*) Итак, мы у вожденной цели, господа сабиняне. Позади нас – путь долгих лишений, голода, одиночества, консервов; впереди – неслыханная в истории битва. Воодушевитесь, господа сабиняне, овладейте собой, успокойтесь, сдержите чувство естественного негодования и спокойно ждите роковой развязки. Вспомните, сабиняне: зачем мы сюда пришли?

Сабиняне молчат.

– Да вспомните же, господа! Ведь не гулять же мы шли сюда с этими книжищами? Да вспомните же, господа: зачем мы сюда пришли?

Сципион. Ну, ну! Да вспомните же, господа!

Анк Марций (*к Сципиону*). И вы подумайте – вот так все

время!

Сципион. Да что вы!

Анк Марций. Честное слово! Стоят, как истуканы, хлопают глазами, да и только. Ну подумайте: можно ли сказать хорошую речь, ни разу не прибегнув к возгласу: «вспомните!»?

Сципион (*любезно качая головой*). Едва ли, какая же это будет речь!

Анк Марций. Вот видите, даже вы это понимаете. А эти господа...

Из рядов сабинян доносится дрожащий голос:

– Прозерпиночка, дружок, где ты? Ау!

Сципион (*нерешительно*). Кажется, он вспомнил?

Анк Марций (*с презрением*). Ах, это, это он все время помнит. (*К своим.*) Смир-рно! Сейчас мы потребуем наших жен – горе похитителям, если совесть их еще не проснулась: мы заставим их поступить по закону. Эй, гнусный похититель! Зови своих гнусных товарищей и готовься к страшному ответу.

Сципион. Сейчас я позову жену.

Идет в хижину, крича: «Клеопатрочка, выйди-ка, к тебе пришли за делом». Из-за угла выглядывает Павел-Эмилий и, узнав сабинян, воем от радости:

– Мужья пришли! Мужья пришли! Господа древние римляне, просыпайтесь: мужья пришли!

Бросается к Марцию и в слезах виснет у него на шее; Марций в недоумении. Павел мчится дальше с тем же радостным криком: «мужья пришли!» Выползают заспанные римляне и занимают правую сторону сцены. Марций, воинственно, подбоченившись, надменно ждет, пока соберутся.

Толстый римлянин. Клянусь Вакхом! – я так сладко спал, как в первый день основания Рима. Что это за чучело?

– Тише: это мужья.

– А! – пить хочется! Прозерпиночка, дай квасу, дружок!

Из рядов сабинян скромный призыв:

– Прозерпиночка, – ау!

Толстый римлянин. А этому что надо? Он тоже зовет мою жену.

– Тише, это ее муж.

– А! Я и забыл. О, небо! – как хочется пить: после этой похлебки и крепкого сна я готов выпить целое озеро! Но как готовит Прозерпина! Воистину, господа древние римляне, это дар Божий!

– Тише!

– А! Я и забыл. Но какой я нынче видел странный сон: будто сплю я и вдруг вижу. Рим начинает падать, падать, падать... Так и упал.

– Но что же наши жены? К ним пришли, а они и не показываются, это неловко.

– Верно, одеваются.

– О, это вечное женское кокетство! Казалось бы, что такое: бывший муж! – а и тут надо проявить свое вечно-женственное. Нет, никогда я не пойму психологии женщины!

– О, небо! – как хочется пить. Долго будут стоять эти истуканы? – хоть бы сыграли: у них трубы. Смотрите, смотрите – они шевелятся.

Анк Марций. Господа римляне, теперь, когда мы стоим лицом к лицу, вы, надеюсь, не станете долее скрываться и дадите нам прямой и честный ответ. Вспомните, римляне, что совершили вы в ночь с двадцатого на двадцать первое.

Римляне растерянно переглядываются и молчат.

Да вспомните же! Неужели и вы ничего не помните? Да постарайтесь же припомнить, господа! Поймите, что я не могу тронуться, пока вы не припомните.

Толстый римлянин в испуге шепчет другому: «Может быть, ты помнишь, Агриппа? Что-то должно быть важное, а?» – «Нет, не помню». – «Это у меня, должно быть,

от сна память отшибло». – «Я лучше уйду, ты мне после расскажешь». – «Да что ему нужно?»

(Громким голосом.) Так я вам напомним, римляне: в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля свершилось величайшее злодеяние, какое только знает история – кем-то, о ком я скажу дальше, были злодейски похищены наши жены, прекрасные сабинянки!

Римляне, вспомнив, радостными кивками подтверждают: «Да, да; да, да. Так вот в чем дело! – совершенно верно: именно двадцатого апреля!»

Толстый римлянин *(почтительно)*. Ну и голова у этих сабинян!

Анк Марций. И эти похитители – вы, римляне! О, я знаю, вы станете оправдываться, отвергать факты, гнусно искажать юридические нормы, прибегая к той отвратительной казуистике, которая неизбежно сопутствует всякому нарушению права. Но мы готовы. Господа профессора – начинайте!

Первый с края профессор начиняет ровным, вне времени и пространства; голосом:

– О преступлениях против собственности. Том первый, раздел первый, глава первая, страница первая. О краже во-

обще. В древнейшие времена, еще более древние, чем настоящее время, когда птицы, насекомые и жуки бестрепетно порхали в лучах солнца и никакие правонарушения не входили в сознание, так как и сознания не было, – в те далекие времена...

Анк Марций. Слушайте, слушайте!

Сципион. А нельзя ли короче?

Анк Марций. Нельзя!

– Но они заснут.

– Вы полагаете?

– Вы посмотрите: они уже дремлют. А когда они дремлют, они ничего не слышат. Нельзя ли хватить с конца, а? Будьте добры, скажите прямо, чего вы хотите.

– Воистину странный диспут! Но так и быть, – снисходя к слабости ваших друзей, я скажу прямо: мы хотим доказать, что вы были неправы, похитив наших жен, что вы, римляне, – похитители, что никакими ухищрениями софистики вам не удастся оправдать вашего гнусного поступка. И небо содрогнется!

Сципион. Позвольте, позвольте, уважаемый: да мы и не спорим.

Анк Марций. Нет?! Тогда зачем же мы сюда пришли?

– **Не знаю.** Гуляли, может быть?

– Нет, мы пришли именно доказать. Вот странность!.. Так вы согласны, что вы – похитители?

– Совершенно; нахожу, что слово очень удачно: похити-

тели.

– Но, может быть, вы не вполне уверены в этом. Тогда профессор с готовностью – не правда ли, господин профессор, вы с гот...

– Да нет же, не надо! Мы совершенно уверены! Господа римляне, да поддержите же, а то он опять начнет.

Римляне.

– Согласны! Согласны!

Анк Марций. Так в чем же дело?

– Не знаю.

– Вот странное недоразумение! Господа сабиняне, торжествуйте: виновные сознались. Один только вид наших грозных приготовлений разбудил в них мощный голос правового сознания, и небо содрогнулось! Нам остается, с сознанием совершенного долга, повернуться и...

Дрожащий голос: «А Прозерпиночка?»

– Ах, да! Если выражение не совсем удачно, то мысль все же верна, – вы правы, товарищ! Господа римляне, вот подробный и точный список наших жен – потрудитесь возвратить. За пропажу, какую-либо порчу... и – как там, профессор?

Профессор. Утечку, усушку...

– Ах, нет, – ущерб! Да, за всякий ущерб ответственны вы. Прочтите статьи, профессор. Впрочем... вот и наши жены! Внимание, сабиняне, овладейте собою, умоляю вас, сдержите порыв любви, пока не кончен вопрос о праве... два шага вперед – шаг назад, смирр-но! Привет вам, сабинские жены! Здравствуй, Клеопатра!

Женщины занимают середину сцены, глаза потуплены, вид скромный, но полный достоинства и покорности.

Клеопатра *(не поднимая глаз)*. Если вы пришли нас упрекать, Анк Марций, то мы не заслужили ваших упреков. Мы долго боролись, и если уступили, то только насилью. Клянусь вам, дорогой Марций, я ни на минуту не перестаю вас оплакивать!

Плачет, и за нею плачут все сабинянки.

Анк Марций. Успокойся, Клеопатра, – они уже сознались, что они похитители. Идем же к пенатам, Клеопатра.

Клеопатра *(не поднимая глаз)*. Я боюсь, что вы будете упрекать нас. Но мы уже так привыкли к этой местности. Вам нравятся горы, Марций?

Анк Марций. Я не понимаю тебя, Клеопатра. При чем тут горы?

– Я боюсь, что вы рассердитесь, но право, мы не виноваты.

Я уже оплакала вас, Марций, и теперь совершенно не могу понять, чего вы хотите. Еще слез? О, сколько угодно. Дорогие подруги, они думают, что мы недостаточно их оплакивали, – докажем же противное. О, плачьте, плачьте, дорогие подруги! Я так любила вас, Марций!

Все женщины заливаются слезами.

Сципион. Клеопатрочка, успокойся, – в твоем положении это вредно. Милостивый государь, вы слышали? – Поворачивайте же оглобли. Иди же, Клеопатрочка, приляг и успокойся – я сам присмотрю за супом.

Анк Марций. Но позвольте, при чем тут суп? Успокойся, Клеопатра, – здесь недоразумение. Ты, очевидно, не понимаешь, что ты – похищена!

Клеопатра (плача). Ну, я и говорила, что вы будете упрекать. Сципиончик, не у тебя ли мой носовой платок?

– Вот, душечка.

Анк Марций. Но позвольте, при чем тут носовой платок?

Клеопатра (плача). И такие сцены из-за носового платка! Не могу же я без носового платка, если я плачу... по вашей вине. Это жестоко, вы чудовище, Анк Марций.

Теперь все плачут: и сабинянки, и сабиняне, и даже некоторые из римлян.

– Прозерпиночка, – ау!

Анк Марций (*звично*). Успокойтесь, господа сабиняне, овладейте собою. Ни с места! Сейчас я все устрою. Здесь, по-видимому, недоразумение юридического свойства. Несчастливая женщина думает, что ее обвиняют в похищении носового платка, и не догадывается, что она сама жертва похищения. Сейчас мы докажем ей это. Господа профессора, приступите.

Профессора готовятся. Римляне в ужасе. Сципион хватает Клеопатру за руку.

– Сознаться, Клеопатра! Да скорей же. О, небо! – он сейчас начнет.

Клеопатра (*плача*). Мне не в чем сознаваться. Это клевета!

Анк Марций. Господин профессор, мы ждем.

Сципион. Да скорей же! Сознаться! О, Юпитер! – он уже раскрывает рот, он его сейчас раскроет... Господа сабиняне, постойте – она созналась! Закройте рот профессору, – она созналась.

Клеопатра. Ну хорошо: я созналась. (*К женищинам.*) Дорогие подруги, вы также?

Сципион (*поспешно*). Все, все сознались. Дело конченное.

Анк Марций (*в недоумении*). Но позвольте! Ты, Клеопатра, признаешь, что ты и другие сабинские женщины были

похищены в ночь с двадцатого на двадцать первое апреля – не так ли?

Клеопатра (*ядовито*). Нет, мы сами убежали.

Анк Марций. Ну, вот видите – она не понимает. Господин проф...

Клеопатра. Это гнусно, Марций! Сами же проспали нас, не заступились, оставили, забыли, покинули – и теперь нас же обвиняют в том, что мы убежали! Мы были похищены, Марций, гнусно похищены! Вы можете прочесть об этом в любом учебнике, не говоря (*плачет*) про энциклопедический словарь.

Сципион (*кричит*). Да закройте же рот профессору!

Но рот профессора остается открытым. Римляне в панике, некоторые убегают.

Анк Марций. Господа римляне, господа сабиняне, см-ирр-но! Я сейчас все устрою. Здесь недоразумение механического свойства. Позвольте осмотреть вас, господин профессор... Ну да, конечно, я так и знал: затвор испортился, и он не может закрыть рта. Но это пустяки – дома мы все поправим. Теперь я слышал собственными ушами: они сознались в том, что они похищены. Цель достигнута, и небо содрогнулось. Идем же к пенатам, Клеопатра!

Клеопатра. Не хочу к пенатам!

Сабинянки. Не хотим к пенатам! Долой пенаты! Мы

остаемся здесь! Нас оскорбляют! Нас собираются похитить! Спасите! Помогите! Защитите!

Римляне, бряцая оружием, становятся между жещинами и сабинянами и понемногу оттесняют жещин в глубину сцены. Бросают на сабинян гневные взгляды. Голоса: «К оружию, римляне! В защиту жен! К оружию, римляне!»

Анк Марций (*звонит в колокольчик*). В чем дело? Сейчас будет драка. Мой ум мутится. Господа сабиняне, мой ум мутится!

Выступает Прозерпина и говорит спокойно и положительно:

– Успокойтесь, римляне. Я одна поговорю с Марцием.

Из рядов сабинян дрожащий голос, тоскливый призыв любви:

– Прозерпиночка, дружок, – ау!

Прозерпина (*положительно*). Ау, мой дружок, – как твое здоровье?.. Подойдите-ка сюда, Анк Марций – не бойтесь: ваше войско не уйдет. Вы поняли, что ни ваша жена Клеопатра, ни я, ни другие сабинянки не желаем возвращаться. Понимаете?

Анк Марций. Мой ум мутится. Как же я буду без Клеопатры? Я не могу без Клеопатры. Она моя жена совершенно законная. Вы думаете, что она ни за что не пойдет?

Прозерпина. Ни за что.

Анк Марций. Что же мне делать? Я ведь ее люблю. Как же я буду без нее жить? *(Плачет.)*

Прозерпина. Успокойтесь, Марций. *(Шепчет.)* Мне вас жалко, и я скажу вам по секрету, что есть еще одно только средство, единственное: похитить ее.

Марций. И она пойдет?

Прозерпина *(пожимая плечами).* Как же она может не пойти, когда вы ее похитите?

Марций. Но это ведь гнусно! Вы предлагаете мне совершить насилие! Куда же я дену мое правовое сознание? Или для вас, женщины, – где сила, там и право? О, женщины, женщины!

Прозерпина. Слыхали уж мы это: о, женщины, женщины! Ах, Марций: в плохую минуту тебя создали боги, ты ужасно глуп! Да, я хочу сильного, самого сильного, но только потому, что я хочу быть верной. Ты думаешь, нам так приятно, чтобы нас похищали, крали, требовали назад, возвращали, теряли, находили...

– Прозерпиночка, дружочек, – ау!

Прозерпина. Ау, дружок, – как твое здоровье?..

Чтобы с нами обращались, как с вещью. Только я привыкла к одному – приходит другой и увозит меня; только я при-

выкла к этому – приходит старый и требует: возвращайся. Ах, Марций, если хочешь, чтобы женщина была твоя, на что ты так претендуешь, то будь же самый сильный, не уступай ее никому, дерись за нее ногтями и зубами, наконец, умри, защищая ее. Поверь мне, Марций, для женщины нет высшей радости, как умереть на гробе мужа, который пал, ее защищая. И узнай, Марций, что женщина изменяет только тогда, когда ей изменил мужчина.

Анк Марций. У них мечи, а мы безоружны.

Прозерпина. Вооружитесь.

– У них сильные мускулы – у нас их нет.

– Станьте сильными. Вообще, Марций, ты непроходимый дурак.

Анк Марций (*отскакивая*). А ты, женщина, безумна и ничтожна. Да здравствует закон! Пусть грубой силой отнимут у меня жену, пусть разрушат мой дом, погасят мой очаг – я не изменю закону! Пусть весь мир будет смеяться над несчастными сабинянами – они не изменяют закону. И в рубище почтенна добродетель! Сабиняне, вертайте вспять! И плачьте, сабиняне, горькими слезами, рыдайте, бейте себя в грудь и не стыдитесь слез! Пусть в вас бросают камнями, пусть над вами смеются – вы плачьте! Пусть вас забрасывают грязью – плачьте, сабиняне, ибо вы плачете над попраным законом. Вперед, сабиняне! Смирр-р-но! Трубачи, трубите. Два шага вперед – шаг назад. Два шага вперед – шаг назад!

Женщины начинают плакать.

Клеопатра. Марций, подожди!

Анк Марций. Прочь, женщина, я тебя не знаю. Шагом мар-р-ш!

Трубы заунывно воют. Женщины с плачем и громкими криками тянутся к прежним мужьям, но римляне удерживают их силой. Хохот победителей. Не обращая внимания ни на слезы, ни на смех, согнувшись под тяжестью законов, сабиняне медленно удаляются: два шага вперед – шаг назад.

Занавес